

Примечания

¹ Татищев В.Н. «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» // Жажда познания. Век XVIII. М., 1986. С. 349.

² Там же. С. 349.

³ Там же. С. 349.

⁴ Там же. С. 351.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ Там же. С. 360.

⁷ Там же. С. 363.

⁸ Там же. С. 380.

В.Д. Пузанов

В.Н. ТАТИЩЕВ И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ БЕЛОМЕСТНЫХ КАЗАКОВ

Большое влияние, масштабы которого до настоящего времени являются одной из самых спорных тем в отечественной исторической науке, на жизнь Руси оказало соседство с кочевыми народами. Одним из последствий этого явления стало формирование особых групп населения на окраине славянского и тюркского миров. Уже в XI–XII вв. от Ростово-Суздальского до Галицкого княжеств под властью русских князей жило несколько десятков тысяч тюрков, и наоборот часть восточных славян уходило из-под контроля княжеской власти в степь за пределы Руси. Между Русью и кочевым миром стояли крепости — «заставы богатырские» с военным населением. Нашествие монголов разрушило складывающиеся традиции и перемешало все это пестрое пограничное население, но с освобождением Московской Руси от власти ханов мы вновь видим на ее окраине все те элементы, которые были характерны для Киевского периода — тюрки на русской службе в отрядах служилых царевичей, славянское население, ассимилирующее тюрков в поле (казаки) и правительственные военные отряды на окраинах Руси¹. Когда после завоевания Сибири началась ее колонизация русским населением, здесь также постепенно складываются особые военные группы пограничного населения.

В 30–40 гг. XVII в. в слободах и острогах юга Сибири появляется особая категория служилых людей по прибору — беломестные казаки. Часто эта группа служилых людей изучается как исключительно сибирское явление, вне общего российского контекста. Между тем данная категория служилых людей известна на юге Московской Руси

и упоминается даже в Соборном Уложении 1649 г. Беломестные казаки являлись одной из групп служилых людей по прибору, которые по замечанию В.О. Ключевского являлись «соединительным звеном» между верхушкой московского общества — служилыми людьми по отечеству и тяглыми, жилецкими людьми.

Первым историком, отметившим наличие беломестного населения на юге России был В.Н. Татищева. По его словам, беломестными называется те, «которые имеют земли наследственные, но никому податей не платят, токмо служат. Они своих земель продавать не могут, разве между собою». По мнению В.Н. Татищева, эта категория служилых людей появилась на «Украине» — южной границе Европейской России еще раньше — со второй половины XVI в. «Сих беломестных перво царь Иоанн Васильевич из солдат и других военных на Украине, а более царь Алексей после польской войны, не хотя салдатства на жаловании содержать, полками населил»². В то же время есть и другие точки зрения на время происхождения беломестных казаков. А.В. Чернов, автор наиболее подробного исследования в советской историографии о русских вооруженных силах XV–XVII вв. считал, что беломестные казаки появились в первые годы царствования Михаила Федоровича, когда после Смуты правительство проводило массовое верстание вольных казаков в службу³. Кто же из исследователей прав? Когда появились в России беломестные казаки? Работа А.А. Станиславского подтвердила в этом вопросе правоту В.Н. Татищева⁴. Автор показал наличие беломестных казаков на юге России в XVI в.

Происхождение названия данной категории служилых людей очевидно связано с архетипичными представлениями о символике цветов народов востока Евразии. В частности белый цвет традиционно означал «никому не подвластного, свободного от должностей и податей, также нечто радостное, шастие приносящие» (белый царь, белая земля). По авторитетному свидетельству И.Е. Фишера, «россияне приняли сии же наименования», в частности «козаки в Сибири, получающие вместо жалования землю, называются потому беломестными казаками, понеже они не платят с них никаких податей в казну», т.е. владея «белой» — свободной от налогов землей⁵. В России XVII в. земельный оклад беломестных казаков, свободный от государственных налогов и повинностей составлял 20–30 четвертей в поле, кроме того, они получали небольшое денежное жалование в 2–3 рубля. В Сибири беломестные казаки служили без хлебного и денежного жалования с пашни — традиционным для Тобольского уезда был надел

«по шти десятин с полудесятиною в поле», всего 18–19,5 десятин. Разбросанность казаков по слободам, острогам с полным подчинением своему слободчику, приказчику служила серьезным препятствием их объединению для выполнения более масштабных боевых заданий в случае возникшей необходимости.

В 1620–1640 гг. на юге Верхотурского и Туринского уездов власть проводит строительство слобод с крестьянским населением, которое должно было решить проблему снабжения хлебом сибирских гарнизонов. Первоначально слободы населялись исключительно крестьянами, однако позднее в 1630 гг. в результате резкого увеличения военной опасности на юге Сибири, в слободы направляются отряды годовальщиков из ближайших уездных центров. Но годовальщики не могли эффективно прикрыть все новые поселения, так как сами гарнизоны городов Сибири были немногочисленны, поэтому пришлось решить проблему защиты слобод другим способом. Когда же появились в Зауралье беломестные казаки? Э.Я. Бояршинова отмечала, что с 1640-х гг. «приказчики, как правило, привлекали на поселение наряды с крестьянами и беломестных казаков»⁶. По данным П.Н. Бущинского, в 1634 г. приказчику Нижне-Ницынской слободы П. Перхурову было приказано набрать из гулящих людей 10 человек в конные казаки и в 1635 г. там уже имелся свой гарнизон, к 1640 г. там было уже 20 казаков⁷. В 1635 г. еще в 2 слободах появились казаки — в Невьянской слободе было 17, в Ницынской — 30 человек. Однако, несмотря на это и после формирования в слободах небольших гарнизонов, туда отправляли годовальщиков. Так в 1638 г. из Верхотурья посылались «от приходу воинских людей» в Невьянскую слободу 22 стрельца и 1 пушкар, в Новую Ницынскую на Красный яр — 14 стрельцов⁸. П.Н. Бущинский называет этих слободских служилых людей беломестные казаки, хотя, возможно, он здесь употребил по отношению к этой категории позднейший термин и они тогда назывались иначе. В актах 1641 г. эти служилые люди называются просто «ницынские конные казаки»⁹. По сведениям Е.В. Вершинина, в 1642 г. в Сибирском приказе отмечалось, что в 3 слободах — Чубаровской, Верхне-Ницынской и Нижне-Ницынской было по 10 человек «конных жилецких казаков»¹⁰. В отличие от беломестных казаков жилецкие казаки (например, в Нижнее-Ницынской слободе), помимо пашни, получали денежное жалование — 4,5 рубля.

3 марта 1642 г. верхотурский воевода князь Н.Ф. Мещерский сообщал царю, что из слобод Верхотурского уезда часто пишут приказ-

чики с просьбой прислать из города служилых людей для защиты от возможных набегов ойратов, а в гарнизоне Верхотурья имеется всего 100 служилых людей (95 стрельцов и 5 пушкарей), из которых большая часть находится в разъездах по территории уезда, на сборе ясака, на заставах в городе и на других необходимых службах, в результате свободный резерв составляет не более 20–30 человек, которые необходимы в самом городе¹¹. В 1642 г. воевода послал памяти приказчикам Невьянской, Тагильской, Ницынской, Ирбитской слобод Верхотурского уезда, в которых, основываясь на царской грамоте 1635 г., приказал им набирать служилых людей из 2 источников — 1) «вольных и охочих» т.е. гулящих людей, 2) пашенных крестьян, не более одного человека из семьи. Всего предполагалось набрать 145 человек — 85 конных, 60 пеших беломестных служилых людей. В частности, в Невьянской слободе воевода приказал набрать 40 конных, 20 пеших, в Тагильской — 20 конных, 10 пеших, в Ницынской — 10 конных, 10 пеших, в Ирбитской — 15 конных, 20 пеших¹². К этому начинанию сразу же проявил интерес Тобольск. 27 марта 1642 г. в слободы Верхотурского уезда был прислан тобольский письменный голова Станислав Бскаков с памятью для смотра по спискам служилых людей, набранных приказчиками в слободах. Верхотурский воевода жаловался в Сибирский приказ, что после этого гулящие люди и члены семей пашенных крестьян, которые «прибрались и те послыша ис Тобольска присылки все разбрелись»¹³.

К 1647 г. в Невьянском остроге удалось прибрать в беломестные казаки 10 конных и 4 пеших человек. В Ницынской на Красном яру 14 конных, 9 пеших. В Ирбитской — 5 конных, 9 пеших и в 1647 г. еще 2 пеших казака. В 1645–1646 гг. в Арамашевской слободе прибрано 29 конных казаков¹⁴. Гарнизоны новых слобод часто формировались из служилых людей старых поселений. Так, в 1649 г. приказчик Белослудской слободы Василий Муравьев, получив верхотурскую память о том, чтобы ему беломестных казаков «в проезжие станицы посылать и караулы караулить» на случай набега калмыков, сообщил, что у него в подчинении имеется только 1 беломестный казак и «посылать некого». Верхотурский воевода приказал выделить пополнение из гарнизона Ирбитской слободы, где «сверх верхотурской памяти» было прибрано к тому времени 15 беломестных казаков¹⁵. Примечательно, что перевод беломестных казаков должен был проходить на основе добровольности, приказчик Ирбитской слободы должен был отправить тех, «кто похотят ехать». Обоснованием необходи-

мости перевода служило уязвимое положение слободы «в самом степном месте с приходу калмыцких воинских людей. В 1653 г. в 5 слободах Верхотурского уезда насчитывалось 113 беломестных казаков. В Арамашевской — 36 человек, Невьянской — 17, Ницынской — 30, Ирбитской — 25, Белослудской — 5 беломестных казаков¹⁶.

Из кого состояла эта корпорация служилых людей? В одной из челобитных имеются интересные биографические сведения, позволяющие нам увидеть, что были за гулящие люди, которые наряду с пашенными крестьянами стали основным источником формирования беломестных казаков. В 1694 г. на государево имя обратился с челобитьем о позволении оставить службу Лука Суслов, беломестный казак Невьянской слободы, прослуживший в составе данной категории служилых людей 46 лет. По его словам, он начал службу еще при Михаиле Федоровиче солдатом в полку воеводы Плещеева на Самаре, затем «многие годы» служил стрельцом в Астрахани во время воеводства Б.А. Репнина, в середине XVII в. перешел в Сибирь и строил Китайский острог «без вашего великого государя жалования», служил «во всяких посылках непрестанно». В 1694 г. казаку исполнилось 92 года, по его словам он стал «стар и дряхл и казачьи службы служить за дряхлостью не могу» и остался без кормильцев. 27 июня 1694 г. эта челобитная была удовлетворена¹⁷.

Примечания

¹ Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1996; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 124; Расовский Д. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 133; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

² Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Ленинград, 1979. С. 185.

³ Чернов В.А. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 129.

⁴ Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

⁵ Фишер И.Е. Сибирская история. СПб., 1774. С. 52.

⁶ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 131.

⁷ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников // К истории Сибири. Тюмень, 2003. С. 65.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 110. Л. 25.

⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 556.

¹⁰ Вершинин Е.В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 54.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 65. Л. 191.

¹² РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 65. Л. 192.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 65. Л. 193.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 209. Л. 27.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ед. хр. 744. Л. 38.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ед. хр. 755. Л. 11.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 58.

С.В. Рыбаков (УГТУ–УПИ)

ВАСИЛИЙ ТАТИЩЕВ — ИСТОРИК-ПАТРИОТ

В нынешнем году исполняется 320 лет со дня рождения Василия Никитича Татищева. Для уральских историков его личность является особо притягательной: он внес мощный созидательный заряд в историю Уральского края, был одним из тех, кто стоял у истоков уральской промышленности. Многими поколениями жителей Екатеринбурга Татищев почитаем как основатель города. Государственная деятельность Василия Никитича непосредственно влияла на ход российской истории.

Широтой и многогранностью деяний Василий Никитич удивлял современников. Перечень интересов Татищева сегодня выглядит почти фантастично: в сферу его занятий входили административно-управленческие дела, политика, публицистика, математика, естествознание, география, горно-инженерное дело и техника, история, лингвистика, юриспруденция. Необычное разнообразие деятельности Татищева отмечено всеми, кто писал о нем или обращался к его биографии. И все-таки свой главный интерес к Татищеву историки связывают с его достижениями на поприще исторической науки.

В.Н. Татищев, будучи одним из самых эрудированных представителей своей эпохи, внес весомый вклад в развитие отечественной историографии, написав фундаментальный труд «История Российская», над которым работал около 30 лет. Уже в годы работы над этим главным в его жизни сочинением Татищев приобрел авторитет в академических кругах не только России, но и многих других стран. А после того, как в 1768 г. «История Российская» вышла солидным по тому времени тиражом в 1200 экземпляров, ее автор обрел самую ши-